

В ДАЛЁКОМ 1941 ПОД ВЯЗЬМОЙ**Тырасова Д.А.***с. Андрейково, МБОУ «Андрейковская СОШ» Вяземского района Смоленской области, 9 класс**Научный руководитель: Новикова Елена Евгеньевна, с. Андрейково, МБОУ «Андрейковская СОШ» Вяземского района Смоленской области*

Наша вяземская земля богата историческими событиями. 75 лет назад под Вязьмой шли тяжёлые бои. Не так уж много вязьмичей достаточно хорошо знают о вяземской трагедии 1941 года, когда большая часть соединений Красной Армии оказалась в окружении, сколько наших бойцов и офицеров отдали тогда свои жизни, защищая Родину, сколько тысяч наших воинов попали в плен к врагу, какая судьба их там ожидала. Ответы на эти вопросы можно сейчас найти в книгах наших вяземских краеведов. Меня заинтересовали события тех далёких лет, которые имели место на территории совхоза «Андрейковский».

Цель работы: изучение военной истории моей малой родины по воспоминаниям жителей с. Андрейково и окрестных деревень.

Задачи: 1. Изучить литературу о событиях под Вязьмой в октябре 1941 г.

2. Ознакомиться с воспоминаниями местных жителей о Великой Отечественной войне.

Тема Великой Отечественной войны сейчас очень актуальна. Многие ещё остаётся неясным, непонятным. Сотни тысяч солдат погибли на подступах к Вязьме. Да и ветеранов войны в живых почти не осталось – в с. Андрейково он один – Легченкова Любовь Васильевна. Тем ценнее для нас воспоминания о тех далёких тяжёлых годах. Я ознакомилась с ними, читала литературу о событиях под Вязьмой, использовала её в своей работе.

Воспоминания ветеранов 2-й дивизии народного ополчения

Сражение под Вязьмой имело огромное значение в ходе Великой Отечественной войны, начального её периода. Многие хотели бы узнать, что произошло в 1941 году под Вязьмой.

«Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы,

еще ждет должной оценки». Это – Г. К. Жуков, «Воспоминания и размышления».

А вот что говорит в книге «Дело всей жизни» другой прославленный маршал, А. М. Василевский: «Бессмертной славой покрыли себя наши войска, сражавшиеся в районе Вязьмы. Оказавшись в окружении, они своей упорной героической борьбой сковали до 28 вражеских дивизий». И, действительно, на всех военных каргах октября 1941 года видно, как одна из трех синих стрел, нацеленных на Москву, круто поворачивает на запад, к Вязьме.

Но у того же Георгия Константиновича Жукова есть высказывание и о том, что окружения под Вязьмой могло и вообще не быть! Корни трагедии под Вязьмой, как и других драматических событий начального периода войны, известный советский историк академик А.М. Самсонов видит в том, что командные кадры Красной Армии были обескровлены. Недостаточный профессионализм и боязнь принять на себя ответственность за решения у командующих фронтами и армиями сыграли свою зловещую роль и под Вязьмой. Когда там резко ухудшилась обстановка, И.С. Конев, незадолго до того назначенный командующим Западным фронтом, связался со Сталиным и попросил разрешения отвести войска на Гжатско – Сычевский рубеж. Сталин решения не принял. Тогда И.С. Конев попытался добиться такого решения от начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова, который, будучи высокопрофессиональным военным, прекрасно понимал всю опасность сложившейся ситуации. Но он просто побоялся взять на себя ответственность за это решение. Так же нерешительно, как и И.С. Конев, повел себя в этой ситуации и командующий Резервным фронтом С.М. Буденный. В общем, когда разрешение на отвод войск было все же получено, сделать это уже не удалось – время было потеряно.

Таким образом, 6 октября 1941 года под Вязьмой оказались в окружении 19-я, 20-я (вместе, с обескровленной 16-й), 24-я и 32-я армии под общим командованием генерала М.Ф. Лукина. Михаил Федорович был одним из немногих, кто уцелел в 1937 году. Он с 1924 по 1935 год служил под началом вы-

дающегося полководца И.Э. Якира и не без основания считал себя его учеником.

Уже в окружении М. Ф. Лукин получил радиogramму от Сталина о том, что 19-я армия должна выйти к Москве, так как защищать столицу нечем и нечем. Назревала трагедия. И вот здесь-то и проявили свой героизм войска, находившиеся в окружении, в частности – 2-я дивизия народного ополчения.

Из воспоминаний ветерана дивизия Александра Александровича Леляичева

– 11 октября был дан приказ начать атаку на село Богородицкое, занятое немцами. За ним проходило шоссе на Вязьму. Заняв Богородицкое, мы бы прорвали окружение. Наступали по открытому пространству, под обстрелом. Был убит командир отделения – он открыл счет нашим потерям. И вдруг – деревня. Взяли ее, выбили немцев, освободили женщин. Решили, что все. И тут выяснилось, что это не Богородицкое, а Орлянка, а до цели еще столько же. До Богородицкого пробивались под сплошным огнем: стреляли с колокольни из крупнокалиберного пулемета, со всех домов. В атаку шли через сплошные трупы. Потом получили команду отойти. Уже после прорыва кольца у реки обнаружили, что от полка в 3300 человек осталось 300. Стали двигаться по направлению к Вязьме, километрах в 5 от шоссе, по которому мощным потоком шли немецкие войска и техника. Без еды и даже без возможности ее добыть – к деревням подходить было опасно. Было много раненых.

Из воспоминаний ветерана дивизия Алексея Александровича Баранова

– Первая встреча с немцами у нас произошла, когда был взорван шоссейный мост через Днепр на магистрали Москва—Минск. Вечером 8 октября дивизия отошла к Вязьме, оставив на Днепре четыре усиленные стрелковые роты. Наша, 9-я, вместе с пулеметным взводом стояла у Николо-Погорелова. До 16.00 9 октября не давали вести переправу. Потом пришлось отойти. Немцы двинулись по магистрали на Вязьму, и таким образом 19-я армия оказалась отрезанной от 20-й и 24-й. 32-я армия к этому времени практически перестала существовать. Вечером 10 октября 2-ю дивизию разделили. Наш 1284-й полк М. Ф. Лукин подчинил непосредственно себе, поручив держать оборону по реке Вязьма.

Остальные силы в составе ударной группировки предполагалось бросить на прорыв, который был намечен на 16.00 9 октября. Но немцы начали раньше... Началась

«мясорубка», были большие потерн с обеих сторон. И все – таки в намеченный срок наши прорвали оборону чуть южнее Богородицкого. К сожалению, успех не удалось серьезно развить: случился хаос, в прорыв хлынули тыловые части. Ночью прорыв был ликвидирован. Но наш полк, ценой колоссальных потерь, свою задачу выполнил. 12 октября бой разгорелся с новой силой. [3]

Описанные выше события происходили в районе д. Всеволодкино, воспоминания местных жителей которой я использую в своей работе.

Воспоминания жителей д. Всеволодкино

Богата наша земля великой историей, но увь, тех людей которым мы обязаны и благодарны остается на Земле все меньше и меньше. Книги которые повествуют нам историю интересны, но живые рассказы на много ценней. Порой только участники великих событий могут рассказать то, что было на самом деле.

Коренная жительница д. Всеволодкино **Семеновна Варвара Васильевна** вспомнила и рассказала о некоторых моментах детства (жизни) в годы Великой Отечественной войны.

«Когда подошли немцы, в деревне были старики, женщины и дети. Отобрали скотину, установили свой порядок, но ни кого не трогали, жили мирно. Порой бомбили самолеты, а мы видели сражения, которые происходили на соседних полях и в тех местах, где сейчас стоит лес. Недалеко от нашей деревни располагались другие, где были определенные места сражений. В д. Маслово находились каратели, туда привозили людей, которые не хотели подчиняться новым порядкам, но таких было всего двое: девушка, которую считали не вполне нормальной и ее мать, которая пошла вслед за дочерью. В д. Волково находился лазарет, но кроме этого туда вели наших пленных. Недалеко находился Дуловский лес, где были партизаны, которых боялись немцы. А мы чем могли помогали им.

Я помню зимой мы, дети, чистили главную дорогу для наших войск и партизан. Пришло время отдохнуть и мы стояли разговаривали и вдруг к нам подошли трое немцев и велели идти с ними. Мы прошли не мало, и ни как не могли понять, что они от нас хотят. Вскоре дошли до их палаток, так называемого поселения, они поставили нас перед входом в одну из палаток, взяли оружие, со страшным видом достали нам по хлебу и отправили обратно. Мы очень удивились, но поспешили домой.

Был такой случай, когда моя мама варила настоящий, русский кисель, а один из

немцев увидел и показал, что хочет попробовать, она(мама) налила кружку и дала, ему понравилось и за это он отсыпал сахару.

После войны началось восстановление, наведение порядка. Практически все вернулись с фронта. Тяжелое было послевоенное время. Но мы его пережили и главное, не дай вам, Бог, такого страшного времени» (2009 г.) [1].

(Со слов **Петровой Нины Федосеевны, жительницы д. Всеволодкино**, родившейся 29.12. 1927г. в д. Ново – Спасское, записано 12 ноября 2007г.)

«Мне было 14 лет, когда началась война и в нашу деревню Ново – Спасское, которая недалеко от д. Всеволодкино, пришли немцы. Они стали резать скот и стало всё исчезать из огорода.

6 октября 1941г. немцы пришли в д. Ново – Спасское, затем в д. Иваники, в которой в это время мы жили, затем в д. Кишкино.

9 октября 1941г. наши войска в д. Богородицкое попали в окружение. (Деревня Мартюхи была в центре событий.) Они шли от Белой по Хмелитскому большаку, слышны были «зенитки». Самое большое скопление солдат было у д. Обухово. Там шли ожесточённые бои. Было очень много убитых солдат (всё усыпано убитыми солдатами), особенно около реки. Наши части хотели прорваться по реке Бебре к трассе, но немцы их опередили.

Утром 9-го проснулись, немцы влозились, началась стрельба. Моя сестра Ксения (Семёнова К., 1921г. р.), хотела выйти на улицу из дома, но начался бой. Все попрятались: кто в окопы, кто куда. Никого нигде не было видно. После боя мы ходили на поле собирать раненых (бинты и марлю). Раненые лежали один на одном. Полная изба была тяжело раненых. Многие раненые солдаты попали в плен. Их свозили в д. Волково, в лазарет. Немцы организовали пекарню и пекли хлеб для раненых. Давали грамм по 200 на человека, резали коней. В д. Волково (от д. Всеволодкино – 1км) пленных было 12 тыс. здоровых, кроме раненых. Их отправляли в г. Вязьму. У нас жил раненый политрук, где – то до нового года. На новый год мы повезли его (Коробов Михаил) в лазарет (ранен в ногу). Когда пришли наши в 1942 г., его отправили в Москву (прорвались партизаны). В д. Щеколдино был партизанский штаб. Его выдал поп (отец Александр). Предателя затем расстреляли.

23 февраля 1943г., когда мать (Семёнова Мавра Петровна, с 1932 г. жили в совхозе «Красный маяк») пекла хлеб, нас погнали в Белоруссию. Даже не дали собраться. Мы едва успели побросать вещи на саночки.

А дядю с двумя маленькими детьми оставили. Партизаны убивали немцев, а те, если находили своего убитого солдата возле чьего – нибудь дома, расстреливали на месте. Так и было с одной семьёй (хозяйка, сын, дочь с ребёнком) Двое случайно остались в живых (дочь с ребёнком: молодая женщина нагнулась поднять ботинок ребёнка, а в это время немецкая очередь убила мать и брата) Нас погнали в Вязьму к элеватору, затем в Смоленск, Оршу.

22 июня 1944г. нас освободили в Белоруссии. Обрато мы ехали до Смоленска. Когда к нему подъезжали, видели только одну церковь.» [1]

Нина Федосеевна рассказала о 25 сожженных в д. Пекарёво и что в живых осталась одна женщина, которая впоследствии стала председателем колхоза. Женщина вылезла из дома в щель, а её двое детей: 2 и 3 года, сгорели. Петрова Н.Ф. рассказывала, что в районе д. Всеволодкино наших три танка прорвались из обороны, с самолётов им сбросили бочки с горючим, а они попали к немцам.

Воспоминаниями Петровой Н.Ф. заинтересовался вяземский краевед, заведующий музеем «Богородицкое поле» Михайлов И.Г.

Тяжело вспоминать былые времена, но это реально происходившие события, о которых мы должны всегда помнить.

Богата наша земля историческими событиями, но увы, тех людей, свидетелей событий минувших дней, остается все меньше и меньше. Книги, которые повествуют нам историю, интересны, но живые рассказы на много ценней. Порой только участники событий могут рассказать то, что было на самом деле.

Коренная жительница д. **Всеволодкино Скучалаина Варвара Васильевна** вспоминает:

«Когда подошли немцы (1941г.), в деревне были старики, женщины и дети. Отобрали скотину, установили свой порядок, но ни кого не трогали, жили мирно. Порой бомбили самолеты, а мы видели сражения, которые происходили на соседних полях и в тех местах, где сейчас стоит лес. В д. Маслово находились каратели, туда привозили людей, которые не хотели подчиняться новым порядкам, но таких было всего двое: девушка, которую считали не вполне нормальной и ее мать, которая пошла лазет за дочерью. В д. Волково находился лазарет, но кроме этого туда вели наших пленных. Недалеко находился Дуловский лес, где были партизаны, которых боялись немцы. А мы чем могли помогали им.

Я помню зимой мы, дети, чистили главную дорогу для наших войск и партизан.

Пришло время отдохнуть и мы стояли разговаривали и вдруг к нам подошли трое немцев и велели идти с ними. Мы прошли немало, и никак не могли понять, что они от нас хотят. Вскоре дошли до их палаток, так называемого поселения. Немцы поставили нас перед входом в одну из палаток, взяли оружие, со страшным видом достали нам по хлебу и отправили обратно. Мы очень удивились, но поспешили домой.

Был такой случай, когда моя мама варила настоящий русский кисель, а один из немцев увидел и показал, что хочет попробовать. Она налила кружку и дала, ему понравилось и за это он отсыпал сахару.

После войны началось восстановление, наведение порядка. Практически все вернулись с фронта. Тяжелое было послевоенное время. Но мы его пережили и главное, не дай вам, Бог, такого страшного времени...»

(Записано со слов Скучалиной В.В. 16 марта 2010 г.)

В этой деревне во время войны жили Иван Исаевич Григорьев и Раиса Агафоновна Григорьева. В то время они были детьми и присоединяются к словам Варвары Васильевны.

«В октябре (1941г.) немцы пришли в деревню (д. Федяево) на разведку. Все сидели в окопах. Немцы сожгли все дома, кроме одного (там жила толи мать, толи отец с детьми). Остальные жители всё, что им было нужно искали сами. В 1943 г. немцев выгнали из Вязьмы, а летом 1943г. деревня стала возрождаться. В феврале был концлагерь. Дети бегали и просили у немцев окурки (для партизан). Для записок использовали сажу, её разводили и писали пером на обрывках газет, книг.

Во время войны д. Рябцево сожгли, а д. Гридино – нет, говорят там была конная немецкая пехота.

(Со слов Комисаровой Любовь Степановны было записано Баранниковой Л.Б. в 2011 г.) [1]

Воспоминания Евгении Семеновны Пропаловой (а тогда еще Женя Соловьева)

«Войну я встретила в родной деревне Юрково Андрейковского сельсовета. У нас не было ни радио, ни телефона. Сообщение о войне получил дежурный в сельсовете и побежал с этой вестью в ближайшие дома, к жителям, выгоняющим скот.

Меня разбудила мама: «Вставай! Вставай! Война началась!» А спать хочется – утро раннее. Я пробурчала: «Отстань, какая тебе война, не выдумывай...» Не поверила. В то время я окончила 7 классов.

Отец сразу ушел в армию и, как не годный к строевой по возрасту, попал в войска

по обеспечению, которые занимались строительством дорог и мостов, мы почувствовали сразу, как начались бомбежки. Кругом рвались снаряды. И случилось так: в одной из воронок увидели девочку, похожую на меня и сказали матери, что я погибла. Потом, уже встречая меня в селе, удивлялись и спрашивали, как мне удалось выжить. Вот такая вышла легенда. Значит, предсказали мне, войну я переживу. Никто нами не руководил, все уехали, осталась горстка людей, в основном женщины и дети, на великие муки.

И вот так длилось три месяца – июль, август, сентябрь. Когда шли наши военные, отступали, спрашивали «А где фронт? До куда же вы будете отступать, а что же дальше будет?» Махнут рукой: «Молчи, мать, мы сами ничего не знаем. Война.» Оставалась однажды какая-то часть, вроде зенитчики – самолеты сбивать. Приходит оттуда солдат: «Пошли, мать заведи у нас мешок муки, манки, помоги донести, мы ее сроду не видели. А им нужно было срочно уехать – не брать же с собой.

7 октября 1941 года появились первые немцы. Понаехали сначала на мотоциклах: бормочут на своем языке, галдеж стоит, побежали по дворам хватать кур. Мать боялась больше за меня, как за старшую. Вымазала сажой, закидала тряпьем: мол, увидят, что дурочка какая-то и не тронут. Немцы на нас внимания не обращали, они уже сколько таких деревень прошли.

Мы от страха побежали в деревню Печенкино, прятаться там в оврагах, и оказалось, что попали в самое пекло. Снаряды кругом рвутся, гул стоит, земля дрожит, а мы, прижавшись к берегам оврага, катаемся там в земле... Потом бой стал стихать, и когда стало совсем тихо, пошли домой. Дом весь прошит снарядами, дыры такие – голова пролезет. Находится здесь нельзя. Что делать? Куда идти? Понимаем, что этот бой не последний. Решали, идти в Федяево, это 8 км от Андрейково. Там были наши родственники. Пришли, сидим в комнатке, на полу. Заходят четверо немецких офицеров, молодых в красивой форме. И что-то стали нам говорить, чтобы мы не боялись, что они не немцы, а чехи. А в руках у них была водка наша «Московская», в таких невзрачных бутылках с зелеными наклейками. Мы, измученные, во рту пересохло, к колодцу идти боялись. А водка булькает...

Потом, видно основные немецкие части пошли дальше на фронт, а здесь остались части обеспечения. Кухня у них была. Как могли нам объясняли, что вот от солдат осталось, нам дадут. Мы поняли, что всех подряд бить не будут. Раньше ведь, как ду-

мали, что от любого по голове – раз и готово. Поэтому решили вернуться в родное Юрково. Мать пошла в разведку. Дом наш для жилья был непригоден. Многие избы сгорели, а в оставшихся, пригодных для жилья, уже поселились люди, не шикарно, конечно, – по две-три семьи в комнате. Стали мы подбираться ближе к центру села, где раньше была контора. Здесь неподалеку был старинный сад, засаженный редкими деревьями – кедр, лиственница – и старый помещичий дом с мезонином. Первый этаж заняли немцы под штаб, а мы проползли на второй и заняли его. До сих пор не понимаю, как нам позволили там поселиться. Добыли где-то печурку, готовились к суровой зиме.» [1]

Село Андрейково в годы войны

До прихода немцев в село местные жители довоенную водонапорную башню спилили сразу на дрова. Немецким летчикам она служила ориентиром налетов на Вязьму. В районе между довоенными домами Семеновых и Исаковых находилась передвижная военная кухня. Левее были установлены около 10 немецких зениток, выкопаны ямы под оружие. Напротив дома Исаковых располагался совхозный амбар, где раньше хранили овес.

Сюда в октябре-ноябре сгоняли русских военнопленных; раздетых, голодных, раненных. Партиями выводили их расстреливать в ближайший овраг около телятника. Их насчитывалось около 40 человек население и взрослое и детское в районе современные здания детского сада, там раньше шумела березовая роща. Немцы привели двоих молодых советских солдат евреев. Заставили их копать могилы и одного из них даже примерять выкопанную. Поставили их на колени, в затылок застрелили одного, а второй перед смертью успел крикнуть: «Товарищи, скажите, что мы погибли за Родину, за Ста...» и упал замертво. Немцы приказали собравшимся: «Тетки и бабки закапывайте!».

В 1942 году загорелась столовая довоенного времени, немцы стали выкидывать продукты. Кругом собрались жители. Кое – кто из парней стащили банки с консервами. Пожар потушили.

Один из местных парней Леонид Чудинов наговорил немцам на Колю Исакова. Немцы обнаружили пропажу, стали искать виновных. Получилось так, что один из местных подростков Леонид Чудинов указал на Колю Исакова как на главного воришку. Фашисты хватили Колю и повели расстреливать его на площадку перед комендатурой. Сообщили об этом матери

Лукерье Ниловне. Она побежала вслед с пятимесячным грудным ребенком на руках. Немец спрашивал у старосты: «Что за семья? Кто отец?» Тот ответил, что отец – не коммунист, семья – рабочая, хорошая. Коля пережил холода и ужас смерти. Он стоял на коленях, а немец держал его на прицеле и в любую секунду мог нажать на курок. Материнское сердце разрывалось от горя, от беспомощности. В этот момент бабушка Соловьевой Жени бросилась в ноги немцу, обхватила его руки, целовала ноги и умоляла сквозь слезы: «Не делайте этого». Немец поднял парнишку, сильно ударил его по спине и скомандовал ему: «Убирайтесь прочь!» Коле Исакову было обидно, что Леня Чудинов сам же брал консервы, а указывал на него.

По воспоминаниям местного сторожика Надежды Михайловны Семеновы немцам присылали посылки с подарками. Девочка Эрика (12-13 лет) украла одну из таких посылок, присланных на Рождество. Немцы жестоко наказали ее за воровство. Сильно избили и отрубили ей 4 пальца на правой руке.

Мать Эрики, Нечрен Алена Карповна, возглавила бригаду по полеводству. Во время оккупации немцы заставляли местных жителей весной сеять зерновые, убирать урожаи, следить за состоянием проезжих дорог (посыпать песком от гололеда, вдоль трассы копали траншеи, собирали юношей и девушек заготавливать фураж для лошадей и коров). На здании комендатуры висел флаг – белого цвета с черной свастикой. Был установлен рупор, его слышно было далеко. Липовая аллея по улице Ленина была срублена на дрова. Старостой был молодой парень Леня Иванов, бежавший с немцами в марте 1943 года.

Зимой 1943 года фашистами был сбит советский боевой самолет в районе нынешнего совхозного зернотока. Из-под обломков извлекли 7 трупов. Один летчик попал в плен.

Мать Соловьевой Жени нашла портсигар, на нем была гравировка с фамилией Шальский Иван. После войны семья Соловьевых разыскала семью погибшего летчика.

Из воспоминаний местных старожилов: Осенью 1941 года во время ожесточенных боев вся прибрежная территория (река Бебря) была устлана трупами. С приходом весны немцы заставляли закапывать трупы по берегам близлежащих оврагов. В районе нынешнего автопарка фашисты начали строить бомбоубежище, но так и бросили его недостроенным.

После того, как была спиlena водонапорная башня, местным жителям приходи-

лось далеко ходить за водой или на колодец к Вольским дачам, или в Юрково на родник, по дороге на речку.

В 1943 году Лукерью Ниловну навеситил муж Илья. Он пришел к тому месту, где построили дом. А там лишь обгоревшие пни. Он сел на бревна, сгорбившись от горя, покурил, а потом пошел искать семью. Лукерья Ниловна услышала, что кто-то стучал тихонько в дверь. Спросила: «Кто там?» Никто не ответил. Тогда Лукерья Ниловна сказала: «Если Вы не знаете куда идете, сначала найдите адрес, а меня с детьми не беспокойте. Я никому из военных не открываю». Повернулась к окну, и вдруг услышала радостный крик сына Николая: «Панка!» Лукерья Ниловна обмерла от неожиданности. Это была их последняя встреча. Спустя некоторое время она получила извещение о том, что ее муж пропал без вести. За год и 7 месяцев враги уничтожили весь скот, птицу, жилые дома и хозяйственные постройки. В груды камня и пепла было превращено хозяйство совхоза. 12 марта 1943 года наш родной край освободили от немецко – фашистских захватчиков. Со слезами радости люди встречали советских воинов, земляков, пришедших с войны. (Записано Бойцовой Т.Ю. 1996 г.) [1].

Заключение

«Вяземская оборонительная операция завершилась. События развернувшиеся здесь, стали одной из самых крупномасштабных трагедий за годы Великой Отечественной войны. Сотни тысяч советских солдат, офицеров и политработников сложили свои головы и были пленены под

Вязьмой. Однако необходимо констатировать, что до сих пор нет точной цифры наших потерь в этой операции» [2].

Ещё в далекие 80-е годы 20-го столетия главный архитектор Смоленской области А.К. Анипко говорил, что издавна на Руси принято ставить обелиски на местах побед, а на местах трагедий – храмы. Ветераны войны не должны бояться того, что их и их погибших товарищей все забудут. Под Вязьмой в местах тяжёлых сражений уже стоят и обелиски и храмы: сооружён военный мемориал памяти воинов Западного и Резервного фронтов «Богородицкое поле», открыт в 2009 году. Храм Великомученика Феодора Стратилата построен в 1996 – 2000 г. в память о воинах, погибших в октябре 1941 г. за Веру, Народ и Отечество, в районе к северо-западу от Вязьмы (д. Мартюхи). На ратном поле возле д. Всеволодкино идёт строительство Спасо – Богородицкого Одигитриевского женского монастыря Смоленской епархии. Застройщик: Фонд создания духовно – мемориального комплекса почитания памяти воинов имени Великомученика Феодора Стратилата.

Я с интересом работала над этой темой. Узнала много нового о событиях под Вязьмой 1941г. Я продолжу собирать материал об истории родного села.

Список литературы

1. Воспоминания жителей д. Всеволодкино и соседних деревень.
2. Комаров Д.Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск «Смядынь», 2004.
3. Рахаева Ю. Дело нашей совести. «Московский комсомолец» 22 июня 1989 г.